

## ЗАБЫТЫЙ ПОЭТ П. А. КВАШНИН-САМАРИН

*М. С. Фёдорова*

Ой, коли любишь, да не забывай же,  
Ой, коли не любишь, да не поминай же!  
Не так будет сердцу моему тяженько вздохати,  
Коли тебя, мой нелобы, буду споминати.

Эти замечательные строки оставались неизвестными литературному миру на протяжении двух столетий. Их автор до сих пор незаслуженно забыт, о нём знают лишь специалисты, занимающиеся исследованием литературы Петровского времени. А надо сказать, что творчество Петра Андреевича Квашнина-Самарина, пусть отрывочно дошедшее до нас, заслуживает, без сомнения, более внимательного рассмотрения.

Первым обратившим внимание на тексты песен (1932 г.) стал М. Н. Сперанский – историк литературы, этнограф, археограф, фольклорист, на тот момент занимающий должность заведующего Отделом рукописей ГИМ. Случайная находка одной из сотрудниц музея стихотворений и песен на обороте столбцов семейного архива Квашниных-Самариных послужила отправной точкой для важных исследований.

Бумага, на которой были записаны интересующие нас произведения, представляет собой столбцы из архива Квашниных-Самариных<sup>1</sup>, на которых с лицевой стороны помещены хозяйственные записи, письма, касающиеся в основном деревенских вотчин Квашниных, а на обороте, обычно остающемся чистым, — записанные скорописью песни. Так, с первого взгляда ничем не приметные записи оказались ценным документом, автографом рукописи Петра Андреевича Квашнина-Самарина — стольника царицы Прасковьи Федоровны.

По утверждению М. Н. Сперанского, песни были написаны не ранее 1681 г. На это, по его мнению, указывают отчасти содержание самих столбцов, на обороте которых были записаны песни, а также палеографические черты основного письма. «Почерки, которыми писались самые столбцы, несомненно, XVII в.; почерк, которым писались песни, также скорее конца XVII в., нежели начала XVIII»<sup>2</sup>. Изучая датировку документов, Сперанский приходит к выводу, что, «если принять во внимание, что все песни писаны одновременно (или на небольшом промежутке времени), что предполагать заставляет одинаковость почерка и чернил, можно заключить, что писались песни не ранее 1681 г. на столбцах старшего времени: к этому времени содержание столбцов уже утратило в глазах писавшего песни свое деловое, активное значение, а потому и употреблены были они для совершенно постороннего для них назначения — бумаги для записывания песен»<sup>3</sup>.

Отметим также нестройность и отсутствие единого принципа в оформлении записей. В тексте песен не соблюдается разделение на стихи. Автор скорее использовал принцип уместения большего количества строк на одном обороте листа. «Писавший песни не старался или не мог сохранить какой-либо порядок в самом тексте, пропуская слова, вставляя потом пропущенное между строк, зачёркивая написанное»<sup>4</sup>.

Несомненно, для изучения песен Квашнина-Самарина важны графические особенности записей. Сокращение слов при помощи выносных букв и титл, обнаруженное при изучении текстов песен, характерно для письма XVII в. Язык автора достаточно чётко выявляет его «акающий» говор: в качестве примеров можно привести написание следующих слов: нада мною, тагда, сакрушила, да канца, даселева, табой, акован, канца, солнышка (именительный падеж, единственное число) и др. Единство написания отсутствует и в графике. «В своей графике не стремился к однообразию, стройности, но бессознательно применял более или менее постоянно некоторые навыки; так, например, й передавал он большею частью через і (чаще всего в окончаниях слов), но сбивался в отдельных случаях и на и»<sup>5</sup>. Но, «несмотря на всё несовершенство записей с точки зрения современных нам научных требований к такого рода записям, они заслуживают внимания как редкие записи произведений устной поэзии, сделанные еще в XVII в.»<sup>6</sup>

Несомненной удачей для исследования данных памятников является то, что на основании их содержания легко устанавливается имя записавшего песни. Над одной из песен теми же почерком и чернилами, которыми была написана сама песня, можно прочитать: «Выписать из Гранаграфа. Сия песня писано Петръ Квашнин». В той же песне (столбец 428) между строками есть запись, указывающая на автора: «Писал Петръ». Изучив содержание столбцов, можно восстановить степень родства членов семьи Квашниных и выяснить, кем же был Пётр Квашнин.

Большинство документов, на обороте которых найдены песни, адресованы Андрею Никитичу Квашнину — владельцу вотчин в Алексинском, Владимирском, Вологодском, Дмитровском, Кинешемском, Костромском, Московском и Ржевском уездах. Например, следующее письмо:

А. Н. Самарину от сына Михаила<sup>7</sup>

| л. 34 | Годрю моему батюшку Андрею Никитичю | снишка твой Мишка челом  
бьет здравствуй | годрь мой батюшка Андрей Никитич з годры|нею моею матуш-  
кою Аксениею Семеновною | и годрями моими братцами с Петром Андрее|вичем и  
с Федором Андреевичем | и Стефанидою | Андреевную

Таким образом, исследователи литературы обрели около 20 песен конца XVII в., крайне интересных для изучения, имеющих точную датировку, установленное авторство.

Отдельно следует сказать о месте, где жила семья Квашниных. На основании писем и документов об этом можно только догадываться. Некоторые учёные высказывают предположение о том, что семья Квашниных относилась к московской

знати. И. С. Филиппова, ссылаясь на архивные документы, пишет о том, что Квашнины жили в Москве, в доме за Пречистенскими воротами<sup>8</sup>.

Во всяком случае, судя по оброкам, собиравшимся с крестьян, можно говорить о большом достатке данной семьи: «... из Мурановского сельца — 18 рублей, из с. Песков — 27 рублей». Таким образом, помимо материального состояния семьи, мы получаем информацию о названиях двух поместий, которыми владели Квашнины. Сперанский высказывает предположение о том, что Мурановское — это современное Подмосковное Мураново. «Не тождественно ли это сельцо Мурановское с селом Мурановым, существующим до сих пор в Московском районе, бывшее имение (теперь Музей) поэта Ф. И. Тютчева?»<sup>9</sup> Однако данное предположение не оказывается подкреплённым какими-либо историческими фактами. Скорее наоборот, обратившись к архивным документам XVII–XVIII вв., мы находим опровержение догадке М. Н. Сперанского. Долгое время было принято считать первым упоминанием о селе Мураново запись в «Межевой книге и плане сельцу Муранову и деревни Григоровой с пустошми» второй половины XVIII в.: «1767-го году августа 10-го дня... учинена межа в Московском уезде, в Радонеже и Бели стану, сельцу Муранову, принадлежащей к нему деревне Григоровой и с пустошми, с их пашенными землями, санными покосы, лесными и протычными угоды, которые состоят во владении мазора князь Михаила княж Иванова сына Оболенского, от всех смежных посторонних земель. На сем числе во время межевания земли внутри окружной межи... состояли: сельцо Мураново... в нем мужеска полу пятьдесят четыре души, принадлежащая к нему деревня Григорова... в ней двадцать душ, всего семьдесят четыре души»<sup>10</sup>. Однако некоторые документы, хранящиеся в московских архивах, предоставляют интересную информацию о селе и ведут его историю с XVI в. Впервые сельцо Мураново упоминается в списке с переписной книги сёл, деревень и дворов в подмосковных и замосковных волостях за 1646 г.: «За князем Фадеем Шаховским в вотчине сельцо Мураново а в нем двор вотчинников а в нем живут всякие крепостные люди да во дворе бобыль...»<sup>11</sup> Из данных архива Синодальной канцелярии за XVIII в., а также ведомости с переписных книг Московского уезда (1725–1728 гг.) известно, что в конце XVII в. прилегающая к мурановской земле «пустовая земля упраздненной церкви великомученика Никиты принадлежала оружейному дозорщику»<sup>12</sup> Алексею Ивановичу Меркульеву (а вовсе не семье Квашниных, как предполагал М. Н. Сперанский), ему же принадлежало и сельцо Мураново. После смерти А. И. Меркульева (1739 г.) во владение селом вступила его дочь, княгиня Прасковья Алексеевна Оболенская и её муж, князь Иван Михайлович Оболенский. Далее владельцами этих земель были Оболенские, с 1795 г. — Суровщиковы, затем Сипягины. Стоит также заметить, что во всех документах село носит название «Мураново», а не «Мурановское».

К сожалению, почти половина найденных текстов песен представляют собой лишь отрывки, иногда начальные строчки. Сперанский высказывает предположение о том, что Пётр Квашнин делал записи спустя какое-то время после того, как слышал песню, «записывал их по памяти, а не непосредственно с голоса, под пение: отдельные песни лучше сохранились у него в памяти, а потому в записи вышли

полнее, от других же сохранились в его памяти только отрывки и даже отдельные стихи и строки, остального он восстановить не мог»<sup>13</sup>.

Однако такие разрозненные записи ценны для нас в первую очередь тем, что по ним мы можем хотя бы отчасти восстановить процесс работы над записью песен. Судя по текстам, Пётр Андреевич записывал подряд вспомнившиеся строки различных песен, причём он старался сопоставить, вспомнить тождественные образы (река, верба, сад, сокол) в других песнях. Поправки, зачёркнутые слова, вписанные строчки, по мнению Сперанского, лишний раз указывают на запись песен по памяти. «По-видимому, Петр Квашнин был человеком, интересовавшимся песнями, или даже любителем их: то, что он помнил и насколько помнил, он положил на бумагу, и эти записи в их первоначальном виде и находятся у нас на столбцах его семейных бумаг»<sup>14</sup>, — такое предположение высказывает учёный.

Возникает один из самых важных вопросов: были ли эти песни лишь записью уже существовавших и распространённых в среде, исполнявшихся песен, как считает их первооткрыватель М. Н. Сперанский, или сочинены самим Квашниным? Если автор сам записывал свои песни и перед нами его черновые записи, то мы имеем доказательство существования образованного лирического поэта-любителя из высшей среды общества, писавшего проникновенные любовные песни, практически неотличимые от народных.

Совершенно иной точки зрения придерживается исследователь В. В. Данилов. В своей статье, посвящённой сборникам песен XVII столетия, он высказывает смелое предположение о том, что «...перед нами все характерные черты авторской черновой рукописи»<sup>15</sup>.

В качестве примера работы над одной и той же песней, переработки её в нескольких вариантах, Данилов приводит песни под номером 433 (VIII) и 437 (XII)<sup>16</sup>.

433

Кабы знала немилость к себе друга милова,  
Не тужила б я по милом друге,  
Не надрывала б своего ретива сердца...

437

Кабы знала млада, ведала нелюбов друга милова,  
Неприятства друга сердешного,  
Ой, не обькала бы, не тужила б, по милом друге и плакала,  
Не довала тоски своему ретивому сердцу.

Этой точки зрения придерживается и Л. С. Шептаев — специалист в области древнерусской литературы и фольклористики. Он называет П. А. Квашнина-Самарина «дворянским поэтом XVII века, который в противовес современной ему моралистически-проповеднической поэзии С. Полоцкого сочинял любовно-бытовые стихи и опирался при этом не на вирши, а на традиции народной песни»<sup>17</sup>. Опубликованные М. Н. Сперанским тексты — «не просто записи народных песен, а плод индивидуального творчества поэта, стилизовавшего свои стихи под народ-

ную песню»<sup>18</sup>. Одним из доказательств принадлежности песен перу Квашнина-Самарина, являются найденные в 1964 г. в том же отделе ГИМа в фонде С. И. Шаховского (деда П. А. Квашнина-Самарина) ещё две его ранее неизвестные песни.

Нельзя не обратить внимания на тот факт, что среди песен на русском языке встречается несколько украинских (их номера X-Б, XIV, XVI–XVIII). Вероятно, они записаны Квашниным по памяти. Услышать эти песни он мог от поляка или украинца. Одна из песен, по-видимому, записана самим исполнявшим её по просьбе Квашнина (мы легко замечаем отличия в почерке). Как известно, случаи появления южной песни на севере достаточно распространены были в XVIII в., в песенниках этого времени «малороссийские песни» иногда даже выделяются в особую группу<sup>19</sup>.

Темы записанных Квашниным песен не вариативны. В целом, можно говорить о типичной любовной лирической песне, выражающей личные переживания. Как известно, лирические песни можно разделить на любовные и семейные, в большинстве своём рассказывающие о жизни замужней женщины. На тот факт, что в записях Квашнина, нет ни одной песни семейного содержания, указал ещё Сперанский. «Очень популярная группа лирических песен характера семейного (муж и жена, жена и любовница, старый муж и молодая жена, сестра и брат, мешающий любовным делам сестры, и т.д.) не нашла себе отклика в записях Квашнина, нам доступных»<sup>20</sup>. Мотивы песен следующие: разлука с любимым человеком (II, IV-A, VII, XIII и др.), тоска, ревность. По мнению Сперанского, «приходится полагать, что или репертуар той местности, откуда идут песни Квашнина (полагаю, скорее всего, Москва или подмосковные местности), был не разнообразен, или же (что вероятнее) мы таким подбором песен обязаны личному вкусу записывавшего их Квашнина»<sup>21</sup>.

Крайне интересен тот факт, что некоторые мотивы и целые фрагменты песен Квашнина-Самарина мы обнаруживаем в записях XIX в., сделанных П. В. Киреевским в Тверской губернии<sup>22</sup>. Скорее всего, это не случайное совпадение, ведь родовое имение матери Петра Квашнина — тверские сёла.

С точки зрения формы любовная лирика выработала определённую поэтику, которой следует в своих песнях и Квашнин. Характерным приёмом, как известно, является параллелизм. В исследуемых нами песнях мы встречаем яркие примеры сопоставления душевного состояния лирического героя с природными явлениями. Выражается это как в формах сравнения, так и с помощью символических образов. Автор прибегает к устойчивым в народном творчестве эпитетам: высокие (крутые) горы, милый (сердешный) друг, зелёный сад, зелёная дуброва, широкая долина, красны (лазорева) цветочки, чисто поле, светлая светлица, тоска-кручина, красно солнышко, дружок дорогой, дружок ненаглядный, яблочко наливное, крепкая дума, неизменная дружба, великая правда, молодая жена, буйны ветры (III), тихая заводь, бела лебедь, высокий терем, красна девка, ясны очи, чисто поле (IV), булатный нож, белы груди, ясен сокол, зелена трава, тихий дождь, дальняя служба, ретивое сердце, чужая сторона, тёмные леса, жёлтые пески, золотое перо. Однако встречаются и менее распространённые образные определения: хороший курган,

лёгкий зайчик (I), и даже авторские — кисейные пордочки, поморанцев (венеицейский) бархат, миткалиная сорочка.

Приём отрицательного сравнения, столь характерный для народного творчества, в песнях Квашнина представлен многочисленными примерами:

Ой не сон меня молоду  
Ай не павушка по двору (I, 425)

Ай не павушка по двору ходила,  
А не золото перо она роняла:  
Ходила девица красная во чисто поля (IV А, 428)

Далеко было в чистом поле  
Не бела лебедь кликнула:  
Во высоком в тереме  
Восплачетца красна девица (XIII, 437)

Встречаются и яркие прямые сравнения, часто человека с животным:

Краше был былъ краснова золота,  
Дороже был чистова чемчюгу...  
Очами был как ясен сокол,  
Лицом он был как белой снег;  
Черны кудри шапкою... (IV 3, 428)

Автор пользуется такими художественными средствами выразительности, как повтор для усиления передачи эмоционального состояния лирического героя (чаще всего девушки):

Красота л моя красота  
Целуй меня миленкой  
Згинь моя молодость  
Пропади красота моя  
Дуброва дуброва зеленая... (I, 425)

Хорош мой миленкой, что наливная яблочка,  
Пригош мой миленкой, как маков цветочик,  
Молоденек мой братец, как ягодка вишенка...  
Ах тошно ль белой рыбице без воды,  
Тошнее л тово (терпеть) или слышать напраслину... (III, 427)

Жарко, жарко красное солнышко греет,  
Ясно, ясно светел месяц светит,  
Хорошо, хорошо, мой милой друг в чистом поле ездит... (IV В, 428)

риторический вопрос:

Или то тебе, друг мой, годно, что меня уморити? (VI, 430–432)

Или я не любила тебя, друга милова?  
Или я про (тебя что говори) чем поносила тебя мила друга? (VII, 432);

аллитерация:

Не зелена трава зеленееца (VII)  
Ой тошно л мне, молодцу тошнилося...  
Горчае мне пельни вгорчилося,  
Тошнее всякой тоски встошнилося... (IX, 434);

обращение:

Возвеите вы, буиные ветры... (XV, 438).

Тонический стих смешивался с силлабическим. Будучи образованным и начитанным человеком, Квашнин пишет свои песни как в традиционной народно-песенной форме, так и пользуясь стихотворным размером. В частности, мы находим прекрасный образец рассчитанного шестнадцатислогового силлабического стиха:

И со слез, мой друг сердешной, ясны очи помутилис,  
Со вздыханьял, мой надеже, ретиво серцо надселось.  
Или то тебе, друг мой, годно, что меня уморити?  
И тебе, моя надежа, ни хитро то учинити,  
Лише бы Богу не дати тебе бы о том ответу,  
И что уморити без своего привету. (VI, 430–432)

Найденные в первой трети XX в. тексты лирических песен Квашнина-Самарина до сих пор не изучены в полном объеме. Множество неоднозначных моментов содержит биография самого автора. Быть может, архив Квашниных-Самариных хранит ответы на многие вопросы исследователей. Вполне возможно, что хранит он и новые тайны.

<sup>1</sup> Члены семьи Квашниных встречаются в «Алфавитном указателе фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах» (М., 1853). Петра Андреевич — стольник царицы Прасковьи Федоровны в 1685 и 1698 гг (С. 181).

<sup>2</sup> *Сперанский М. Н.* Из материалов по истории русской песни // Известия АН СССР. Сер. VII. Отд. общ. наук. Л., 1932. № 10. С. 915.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> Там же. С. 914.

<sup>5</sup> Там же.

<sup>6</sup> Там же. С. 913.

<sup>7</sup> *Котков С. И., Панкратова Н. П.* Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII – начала XVIII в. М., 1964. С. 192. ГИМ. Ф. 253. № 39. Л. 34.



- 
- <sup>8</sup> *Филитова И. С.* Песни П. А. Самарина-Квашнина. ИЮЛЯ. 1971. Т. 31. Вып. 1. С. 65.
- <sup>9</sup> *Сперанский М. Н.* Из материалов по истории русской песни. С. 916.
- <sup>10</sup> *Пигарев К.* Литературное прошлое усадьбы Мураново. URL: <http://www.tyutchev.ru/tm2.html> (дата обращения: 05.10.2010).
- <sup>11</sup> *Вайнтрауб Л. Р., Леваков И. А.* Новые материалы по истории усадьбы Мураново в XVII–XIX вв. // Материалы творческого отчета треста «Мособлстройреставрация». М., 1984. С. 41. ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 9809. Л. 35608.
- <sup>12</sup> ЦГАДА. Ф. 248. Оп. I. Д. 1161. Л. 92. С. 41.
- <sup>13</sup> *Сперанский М. Н.* Из материалов по истории русской песни. С. 917.
- <sup>14</sup> Там же. С. 917–918.
- <sup>15</sup> *Данилов В. В.* Сборники песен XVII столетия — Ричарда Джемса и П. А. Квашнина // ТОДРЛ. Л., 1935. Т. 2. С. 177.
- <sup>16</sup> Здесь и далее текст цитируется по: Известия АН СССР. Сер. VII. Отд. общ. наук. Л., 1932. № 10.
- <sup>17</sup> *Шептаев Л. С.* О репертуаре русской народной бытовой песни XVII века // Ученые записки Ленингр. гос. пед. института им. Герцена. 1957. Т. 134. С. 93.
- <sup>18</sup> Там же.
- <sup>19</sup> См.: *Перетц В. Н.* Историко-литературные исследования и материалы. СПб., 1900. Ч. 1. С. 283–334. Ч. 2. С. 161; Малорусская песня в старинных печатных песенниках // Этнографическое обозрение. 1910. Кн. 81–82.
- <sup>20</sup> *Сперанский М. Н.* Из материалов по истории русской песни. С. 918.
- <sup>21</sup> Там же. С. 919.
- <sup>22</sup> Собрание народных песен П. В. Киреевского. Записи П. И. Якушкина. Л., 1986. Т. 2. № 304, 362, 366, 377, 380, 396, 422, 449 и др.